

Прикосновение к любви

Автор:

[Джонатан Коу](#)

Прикосновение к любви

Джонатан Коу

Интеллектуальный бестселлер

Джонатан Коу давно уже входит в число самых интересных современных английских авторов. Он мастерски делает то, что мало кому удается, – с любовью высаживает идеи и чувства в почву удивительно плодородного сюжета.

Робин Грант – потерянная душа, когда-то он любил девушку, но она вышла за другого. А Робин стал университетским отшельником, вечным аспирантом. Научная карьера ему не светит, а реальный мир кажется средоточием тоски и уродства. Но у Робина есть отдушина – рассказы, которые он пишет, забавные и мрачные, странные, как он сам. Робин ищет любви, но когда она оказывается перед ним, он проходит мимо – то ли не замечая, то ли отвергая. Собственно, Робин не знает, нужна ли ему любовь или хватит ее прикосновения. А жизнь, словно стремясь усугубить его сомнения, показывает ему сюрреалистическую изнанку любви, раскрашенную в самые нелепые тона. Что есть любовь? Мимолетное счастье, большая удача или слабость, в которой нуждаются лишь неудачники?

Джонатан Коу

Прикосновение к любви

Замечание от автора

Мне хотелось бы поблагодарить Мишель О'Лири за возможность написать роман об адвокате, а также Пипа Лэтти – за то, что познакомил меня с романом Симоны Вейль, который оказал большое влияние на эту книгу.

Рукопись на различных этапах готовности читали мои друзья, и мнение их оказалось весьма полезным; но два человека были особенно щедры в похвале и критике. Вот их имена – Нуала Марри (первая половина книги) и Ральф Пайт (вторая половина). Большое им спасибо, а также, чуть не забыл, спасибо Анне Хейкрафт, чьи советы были прозорливыми и ценными.

Я также благодарен Эмме Кроферд, в чьем переводе читал «Тяжесть и благодать» Симоны Вейль.

Часть первая

ВСТРЕЧА РАЗУМОВ

Четверг, 17 апреля 1986 г.

– Дорогая, не говори глупостей, конечно, никакой ядерной войны не будет.

...

– Я как раз подъезжаю к развязке 21. Через двадцать минут должен быть в Ковентри. Мне надо заскочить в университет.

...

– Да не слушай ты его. Он ничего не понимает. Этим миром управляют душевно здоровые и разумные люди, такие как мы с тобой.

...

– Я тоже по тебе скучаю. Поцелуй за меня Питера. И скажи ему, что я...

...

– Что? Нет, какой-то маньяк меня подрезал. Некоторые несутся под девяносто миль в час. Не понимаю, почему полиция их не хватает.

...

– Не знаю, успею ли заскочить к нему. Вряд ли, если я хочу сегодня добраться до дома.

...

– Да и вообще, что я ему скажу? Я его столько лет не видел. Даже забыл, как он выглядит.

...

– Нет, я не понимаю, почему мы должны разрешить ему пожить в нашем загородном домике. Мы купили его для себя, а не чтобы селить в нем чужих.

...

– Что значит – у него был странный голос?

...

– Дорогая, он ничего не понимает. И ты тоже. Ливия, Сирия, Америка, Россия – положение очень запутанное. Если ты в самом деле думаешь, что мир готов ввергнуться в войну, то... ну, тогда я, конечно, приеду домой.

...

– Ладно, давай адрес.

...

- Да, заскочу вечером после университета. Это значит, что домой я раньше десяти не попаду. А может быть, и позже. Нет, я сам найду, у меня есть с собой карта.

...

- Только не паникуй. Не смотри новости, если они тебя расстраивают.

...

- Я сам скажу ему по поводу домика. Сомневаюсь, что с ним что-то не так. Возможно, он перетрутился. Знаешь, как бывает со студентами - неделями ничего не делают, а затем не ложатся спать до рассвета.

...

- Не волнуйся. Я все сделаю.

...

- Ты тоже.

...

- Целую, целую.

* * *

Тед съехал с развязки 21 и повернул на шоссе М69. Он давно пришел к выводу, что самое главное - это поддерживать с клиентами добрые отношения. Он почти не рассчитывал на то, что университет сделает еще одну покупку, но после разговора с доктором Фаулером прошло несколько недель, и ему хотелось проверить эффективность новой системы. Убедившись, что средняя полоса пуста, он позволил себе соскочить взгляд на пассажирское сиденье, на папку, в

которой лежали личные сведения о клиентах. Левой рукой он принялся листать страницы, пока не добрался до буквы «Ф». Фаулер, Стивен, доктор. Женат, двое детей: Пол и Никола. 24 марта Никола ходила к зубному врачу. Два удаленных зуба. Теперь есть с чего начать разговор. («Стив! Рад снова вас видеть. Решил вот заскочить. Да так, оказался поблизости. Как жена и дети? Надеюсь, зубы у малышки Никки больше не болят? Хорошо. Рад слышать...»)

В студгородок он приехал незадолго до пяти, но доктор Фаулер уже ушел домой. Записка на двери его кабинета извещала, что желающие получить консультацию могут застать его завтра утром.

На автостоянку Тед возвращался кружным путем, с удивлением ловя себя на том, что наслаждается вечерним солнцем и непривычным ощущением, возникшим оттого, что вокруг молодые люди. Подойдя к машине, он не стал залезать внутрь, а устроился на капоте и огляделся. К встрече с доктором Фаулером он готовился с той самой целеустремленностью, что позволила ему недавно второй раз подряд получить самое желанное в фирме звание «Торговец года», так что только теперь он смог всерьез задуматься о телефонном звонке Кэтрин. Ничего приятного звонок не сулил. У Теда не было никакого желания вновь встречаться с Робинем, иначе он давно бы уже навестил его – в один из своих предыдущих приездов в университет. Меньше всего ему хотелось взваливать на себя заботы о Робине – а такое вполне вероятно, если Кэтрин права и у того и впрямь серьезные проблемы.

Хотя, с другой стороны, она ведь всегда преувеличивает.

Теду не улыбалось ввязываться в это дело безоружным, он сознавал, что отчасти его беспокойство объясняется недостатком информации. Встретиться с Робинем сейчас, после четырех лет, о которых он ничего не знает, – это все равно что встретиться с незнакомцем.

Тед еще какое-то время размышлял, затем достал папку и открыл ее на букве «Г». Страницы мягко шелестели на ветру. Вскоре он записал о своем старом друге все, что знал.

Грант, Робин.

В 1981 г. окончил Кембридж.

В последний раз видел его на свадьбе в 1982 г.

Посылал ему открытки на Рождество и письма с новостями о нашей семье. (NB: он поэтому знает о домике?)

Семья: мать, отец, одна сестра.

В настоящее время работает над диссертацией – уже 4 (?) года.

Утверждают, что голос у него звучит «странно» и «удрученно».

Сказал, что ему нужен отдых.

Острая реакция на события последних двух дней: говорит, что не следовало посылать в Ливию бомбардировщики.

Тед отложил ручку, нахмурился и почувствовал себя совсем уж скверно. За четыре года человек может сильно измениться. Он надеялся, что Робин не ударился в политику.

Въезжая в юго-западные пригороды Ковентри, Тед остановился, чтобы изучить карту в атласе, и обнаружил, что нужной страницы нет. Книжица распадалась на части, и он уже больше месяца собирался ее заменить, так что винить следовало только себя. Разумнее всего было бы расспросить какого-нибудь прохожего. Но Тед предпочел наугад петлять по переулкам, разглядывать дома и слушать чириканье птиц, мешавшееся с музыкой из радиоприемника, послушного его опытной руке. Все, что угодно, только бы отдалить встречу.

Через несколько минут, обогнав парочку пешеходов, не вызвавших у него никакой симпатии – по причинам разным, но одинаково иррациональным, – Тед увидел девушку, быстро шагающую в попутном направлении. Тед посигналил. Девушка вздрогнула, обернулась, и Тед с огорчением обнаружил, что это индианка. Вряд ли она поймет, о чем он ее спрашивает. Но менять решение было

поздно, девушка уже поравнялась с открытым окошком.

- Да? - сердито спросила она.

Тед посмотрел в настороженные, враждебные глаза. На какой-то миг он даже растерялся, осознав, что связался с личностью незаурядной и сильной. Он опустил глаза и увидел, что на левой манжете не хватает пуговицы.

- Я просто хотел узнать, не могли бы вы мне подсказать, - забормотал Тед, - как найти... - И он назвал улицу, на которой жил Робин.

- Где? - спросила девушка, и, как отметил Тед, скорее удивленно, чем непонимающе.

- Здесь.

Он неловко пролистал папку и нашел клочок с адресом, который накосячил сразу после разговора с Кэтрин. Тед протянул девушке бумажку.

- Я только что оттуда, - сказала она, - Вам нужен Робин?

- Да.

- Это сразу за углом. Надеюсь, вам его компания доставит больше удовольствия, чем мне.

И девушка зашагала прочь - плотнее запахнув пальто и сунув руки в карманы, несмотря на теплый вечер. Несколько секунд Тед растерянно смотрел ей вслед, затем спохватился, высунул голову в окно и крикнул:

- Робин Грант? Вы знакомы? Вы его подруга?

Девушка не остановилась, не замедлила шаг и даже не повысила голос; ее ответ можно было разобрать с большим трудом.

- Откуда мне знать?

Тед смотрел вслед тающей вдали фигуре, пока у него не заболели глаза. Он словно оцепенел от смущения. Затем медленно, с еще большей неохотой, развернулся в три приема и въехал в переулок, на который указала девушка.

По адресу, записанному на клочке, находилось типовое высокое здание, выкрашенное в тоскливый мышастый цвет, от тротуара его отделяла унылая полоска чахлого палисадника. Тед вышел из машины, запер дверцу. Тихая улочка была вся обрызгана ласковым вечерним солнцем. Тед перекинул пиджак через плечо, ослабил галстук, подошел к двери и нажал на звонок, помеченный «Грант Р.».

Некоторое время ничего не происходило. Потом донесся далекий звук открываемой двери, шаги, за матовым стеклом мелькнула тень, входная дверь отворилась, и на Теда уставилось незнакомое бледное, небритое лицо.

– Робин?

– Заходи.

– Ты звонил Кэтрин. Она сказала, что я приеду?

– Да. Заходи.

Робин молча повел Теда из света в сумрачный коридор, мимо подножия крутой лестницы, к двери справа. Его квартира оказалась совсем уж мрачной: шторы задернуты, воздух сперт и провонял табаком. Когда глаза привыкли к темноте, Тед внимательно осмотрел скудно обставленную комнату – и неприбранную кровать у стены, и повсюду раскиданную одежду, и две книжные полки, забитые под завязку, и три красных блокнота, лежавших стопкой. На каминной полке стоял приемник, настроенный на Радио-4: бесстрастный мужской голос рассказывал о последних событиях в Триполи и Вестминстере[1 - В 1986 г. ВВС США нанесли бомбовый удар по Триполи, столице Ливии; Вестминстер – политический центр Великобритании, где размещаются Букингемский королевский дворец, парламент и т. д. (Здесь и далее прим. перев.)].

– Ты что, не ждал меня так скоро? – спросил Тед.

- Прости. Я потерял счет времени. Садись.

Робин расчистил диван, скинув на пол груду рубашек и трусов.

- Ну, Робин, - начал Тед, разглядывая его и спрашивая себя, почему тот не одет (Робин был в одном лишь банном халате красного цвета и шлепанцах), - вот мы и встретились, и обстоятельства ныне совсем другие...

- Как Кейт? - спросил Робин.

- С ней все хорошо. Все очень-очень хорошо... Забавно... - добавил Тед, чтобы нарушить неловкое молчание, - я тут остановился спросить дорогу и заговорил с твоей знакомой.

- Да?

- Да. Она мне показалась немножко... азиаткой.

- Ее зовут Апарна.

- По-моему, ужасно красивая женщина. Это тебя она навещала?

- Да.

- Что ж, похоже, в друзьях у тебя недостатка нет, Робин.

- Мы поссорились.

- Да? Надеюсь, ничего серьезного?

- Очень серьезно. Из-за книги.

Снова повисла тишина. Тед, профессиональный манипулятор, знающий, как завоевать доверие собеседника, чувствовал, что не может совладать с апатичным минимализмом Робина. Однако, к его счастью, разговор вдруг вывернул в другое русло.

– Кстати, Тед, я говорил с Кейт по поводу домика, и, похоже, она считает, что никаких сложностей с этим не будет. Надеюсь, ты привез с собой ключи?

Замешательство Теда было слишком сильным, чтобы он мог с ходу ответить на такой вопрос. Робин сел на кровать, стоявшую напротив дивана, и продолжил (голосом ровным, бесстрастным, монотонным):

– Знаешь, если бы я не мог куда-нибудь уехать, то, наверное, сошел бы с ума. Или произошло что-нибудь еще. Я чувствую себя таким уставшим. Думаю, мне надо отоспаться. Думаю, мне надо отдохнуть. Мне надо уехать. Побывать одному. Я напуган. Я не понимаю, что делаю. Последние дни я не понимаю, что делаю. Я не знаю, где был. Я зашел в магазин. Я взял тюбик зубной пасты и вышел. Та женщина побежала за мной. Она сказала: «Вы не заплатили». Я повредил палец. Споткнулся на лестнице и повредил палец. Я вымотан. Мне холодно. Я голоден. Я всегда голоден. Я поставил в духовку замороженный пирог и достал его через полчаса, но я не включил духовку. Забыл. Я ел хлеб. Я слушаю радио и не верю своим ушам. Она разрешила им воспользоваться нашими авиабазами. Они летали с наших авиабаз бомбить Ливию. Я боюсь. Я должен уехать. Я всегда хотел вернуться на Озера. Там тихо и чисто, и я был там в детстве. Я ездил туда с семьей. С родителями и сестрой. Одна из мыслей, которые преследуют меня последние дни, – я так скучаю по своим родным. Как глупо, что я вот так отрезал себя от них. Если я не смогу пожить в твоём домике, я им напишу, спрошу, нельзя ли мне вернуться домой, пожить у них. Но так будет лучше. Гораздо лучше.

Возможно, этот монолог и тронул бы человека помягче, чем Тед. На самом деле такой монолог мог тронуть даже Теда, если бы он слушал. Но Тед с ужасом разглядывал хаос в квартире Робина и думал про домик в Озерном крае, и чем дольше он разглядывал и думал, тем сильнее становилась его решимость. Они купили этот домик на деньги, оставшиеся после смерти матери Кэтрин в 1983 году. Он тогда смог осуществить свою мечту, и Озерный край перевесил Корнуолл. Домик стоял недалеко от шоссе, соединяющего Торвер и Конистон, и от чудесного вида на водные просторы его отделяла лишь полоска дремучего соснового бора шириной в полмили. Тед с Кэтрин опасались, что поначалу местные жители отнесутся к их появлению как к вторжению, но, к счастью, без труда вписались в тамошнее общество: единственные соседи – живущие через дорогу Бернетты – оказались очаровательной супружеской парой из Харроу, всегда готовой составить компанию для партии в бридж. И Тед не желал подрывать свое положение среди этих людей, пригласив сомнительного

знакомого, который ведь явно же понятия не имеет, как нужно заботиться о собственности. Глаза Теда, привыкшие наблюдать за хозяйственным усердием Кэтрин, быстро углядели и грязь, въевшуюся в плинтус, и пепел на ковре, и паутину по углам. Разумеется, нельзя говорить, что именно неряшливость Робина – истинная причина отказа. Тут требовалась маленькая невинная ложь.

– Дело в том, Робин, – начал Тед, – что Кэтрин немного поторопилась. Наверное, забыла, что сейчас в домике живет моя мать. Она пробудет там еще минимум месяц.

В полной тишине Робин смотрел на него – лицо отсутствующее, взгляд застывший. Тед спросил себя, а слышал ли Робин его слова, воспринял ли их, понял ли его объяснение, вполне обоснованное и достойное. Он попытался сформулировать вопрос: «С тобой все в порядке?», «У тебя какие-то проблемы?» – но фраза почему-то не складывалась. В конце концов Тед услышал свой голос:

– Ну, как насчет того, чтобы перекусить?

* * *

Выяснилось, что на кухне нет никакой еды, кроме остатков маргарина и ополовиненного пакетика с размякшим сливочным печеньем. Тед вышел поискать лавку, торгующую рыбой с жареной картошкой. В таких заведениях он не бывал уже несколько лет, а потому поразился, что с него содрали больше трех фунтов. Владелец сообщил, что сейчас это совершенно обычная цена, даже для севера. Вернувшись в квартиру, Тед обнаружил, что Робин не достал чистые столовые приборы и не подогрел тарелки, о чем он его попросил, а сидит за столом и что-то пишет.

– Извини, – сказал Робин, – Я не думал, что ты вернешься так скоро.

Тед отправил его на кухню, а сам тайком глянул на листок. Это было письмо, адресованное матери, и начиналось оно так:

Вероятно, для тебя это станет неожиданностью, но я подумываю о том, чтобы вернуться домой и немного там пожить. Надеюсь, тебе нравится эта идея, в

последнее время мы ведь мало общались, но я давно подумываю, как бы было неплохо вновь увидеть вас обоих. Кажется, я в последнее время совершил немало ложных шагов, и теперь мне очень нужно уехать отсюда и все обдумать. Наверное, я не очень ясно выражаюсь, но я попытаюсь объяснить понятнее...

Больше он ничего не написал. Тед недоуменно перечитывал письмо, когда в комнату вернулся Робин. Не желая, чтобы его сочли назойливо любопытным, Тед сделал вид, будто разглядывает красные блокноты.

- Что здесь? - спросил он.

- Рассказы, - ответил Робин.

Он протянул Теду чуть тепловатую тарелку и нож с вилкой.

- Значит, все пишешь?

- Когда как.

- У меня сохранился тот номер студенческого журнала. - И Тед улыбнулся воспоминанию. - Знаешь, тот самый, куда мы вместе пописывали? Там был твой рассказ и моя статейка.

- Не помню.

- Я написал про объектно-ориентированное программирование. Мне еще все говорили, что статья написана с большим юмором.

Робин покачал головой и принялся есть картошку руками.

- Что ты сейчас пишешь?

- Да так, - устало ответил Робин, - цикл рассказов. Честно говоря, не знаю, зачем я их пишу. Здесь четыре связанных друг с другом рассказа. О сексе, дружбе, выборе и тому подобном.

– Четыре? – удивился Тед. – Но я вижу только три блокнотика.

– Один забрала Апарна. Я хотел, чтобы она прочла; она взяла его сегодня днем. – Робин вытащил из пакета кусок трески и пару раз нехотя куснул. Затем вдруг добавил: – Прежде чем что-то сказать, надо хорошо подумать. Ты не согласен?

– Прошу прощения?

– Я говорю, прежде чем что-то сказать, надо хорошо подумать.

– То есть?

С неожиданным дружелюбием Робин подался вперед.

– Слово может быть смертельным оружием. – Он на мгновение замолк, явно довольный фразой. – Одно слово может разрушить работу миллиона других. Неуместное слово может погубить что угодно: семью, брак, дружбу.

Теду захотелось спросить, с какой стати Робин считает себя знатоком семейных уз, но он воздержался.

– Не соглашусь с тобой, – только и сказал он.

– Просто я подумал, как же легко оказалось расстроить Апарну. Понимаешь, она показала мне эту книгу. – Робин отодвинул тарелку в сторону – раз и навсегда. – Новую книгу в переплете. Я увидел, что это не библиотечная книга, и решил поддразнить ее. «С каких это пор люди вроде тебя могут себе позволить такие книги?» – спросил я. И она ответила, что книгу ей подарил один из авторов, с которым она дружна. Я взял книгу и взглянул на титульную страницу, там стояло два имени, английское и индийское. Тогда я ткнул в индийское имя и спросил: «Наверное, это твой друг?» А она посмотрела на меня, медленно забрала книгу из моих рук и сказала: «Ты только что выдал себя с головой».

Тед недоумевал. Он соображал – сосредоточенно и быстро, стараясь не заплутать в собственных мыслях. Что стряслось с этим человеком, раз они вообще не понимают друг друга? Он всегда считал, что дружба – это встреча разумов, равно как и брак. Они с Кэтрин не только понимали друг друга, когда

говорили, но нередко они понимали друг друга, даже когда не говорили. Порой он знал, о чем она думает, еще до того, как она об этом говорила. А она зачастую знала, о чем он подумает, еще до того, как он подумал.

Интеллектуальная совместимость – это ведь верная спутница его жизни, непреложный факт его жизни, она вошла в привычку, она – данность, подобно служебному автомобилю или теплице, для которой, как вспомнилось ему вдруг, он собирается купить в эти выходные три новых стекла.

В чем смысл невразумительного рассказа Робина? Вероятно, дело в том, что один из авторов книги – индеец и Апарна по какой-то причине обиделась, что ее связали с этим индийцем. Но ведь Апарна сама индианка? Что за нелепое имя. Если не искать деликатных определений, то ее следует назвать чернявой. У нее темные волосы. Правда, красного пятнышка посреди лба у нее нет, но этому наверняка найдется объяснение. Почему индианка не хочет, чтобы ее связывали с индийцем, исходя лишь из того, что они оба индийцы?

И Тед в самой ясной форме задал этот вопрос Робину.

– Не все так просто, – сказал Робин, – Понимаешь, я знаю ее уже четыре года. Когда я здесь появился, она уже была. Она здесь гораздо дольше меня. Шесть лет, семь, – Его речь стала прерывистой, словно он утратил привычку объяснять что-то людям, – Когда Апарна только приехала сюда, она гордилась своим происхождением. Она выставляла его напоказ. Ты видел, как она сегодня одета – она не всегда так одевалась. Кроме того, в те дни она пользовалась известностью, настолько большой известностью, что я ревновал.

Разумеется, она всегда находила время для меня. Мы были очень близки, в каком-то смысле. Но все равно, стоило мне заговорить с нею у библиотеки, как тут же подходили люди, здоровались, останавливались поболтать. Мне приходилось из кожи вон лезть, чтобы вставить хоть слово. К ней подходили не только студенты, но и профессора, преподаватели, библиотекари, повара из столовой. Ты не поверишь. То, что ты видел сегодня, – это всего лишь тень. Теперь она живет одна. В многоквартирном доме на противоположном конце города. На пятнадцатом этаже. Я единственный человек, с кем она видится. Ее все забыли. Она всем наскучила.

Повисла тишина, которая, как казалось Теду, запросто могла продлиться до бесконечности.

– И что? – спросил он.

– Расизм не обязательно должен быть явным. И расизм не обязательно должен быть неожиданным, и он может проявиться в чем угодно. Она устала от того, что ее воспринимают как иностранку; она устала от того, что это первое, на что люди обращают внимание. Она приехала сюда всего лишь работать, защитить диссертацию, но обнаружила, что люди решили украсить ею свою жизнь. «Внести немного колорита», как она говорит. Она старалась изо всех сил, чтобы ее воспринимали всерьез, но ничего не помогало. И теперь она считает, что я такой же, как все. Что даже я воспринимаю ее как все. И она сердита на меня и на остальных; но все равно я помню эту ласковость, эту теплоту, которых я больше ни у кого не встречал.

Тед, который понятия не имел, как реагировать на эти слова, принялся собирать тарелки.

– У тебя никогда не было чувства, – снова заговорил Робин, – будто ты всю свою жизнь принимал неверные решения? Или, что еще хуже, ты никогда в жизни, в сущности, не принимал никаких решений? Ты видишь, что было время, когда ты мог... ну, например, кому-нибудь помочь, но у тебя вечно не хватало смелости? Было такое?

Тед приостановился в дверях кухни.

– Похоже, ты сейчас не в самом лучшем состоянии, Робин.

Робин последовал за ним на кухню и теперь наблюдал, как тот складывает тарелки в раковину.

– Ты ни разу не спрашивал себя, какой вообще смысл принимать решения, если миром правят маньяки, если все мы зависим от милости чьих-то интересов, над которыми у нас нет никакой власти, если мы не знаем, когда грянет что-то ужасное, война там или что-нибудь еще в этом роде?

– Разумеется, ты совершенно прав. Послушай, Робин. – Тед повернулся к нему и неожиданно спросил: – Послушай, у тебя нет нитки с иголкой? У меня тут пуговичка оторвалась.

- Есть. В туалетном столике.

Они вернулись в комнату. Тед нашел иголку, катушку белых ниток и начал вдевать нитку.

- Да ты говори, говори, - предложил он. - Я тебя очень внимательно слушаю.

- Просто я чувствую... Мне нужно уехать и начать все сначала. У тебя никогда не возникало такого чувства?

- Иногда. - У иголки было очень маленькое ушко, и у Теда никак не получалось продеть нитку.

- Я хочу сказать, я просто не знаю, куда ухнули последние несколько лет. Похоже, я так ничего и не достиг, ни в личной жизни, ни в науке, ни в творчестве. Я чувствую, что перестал ориентироваться.

- Да-да, я понимаю.

Тед послунывил кончик нитки, надеясь, что так она легче пролезет в игольное ушко.

- Я больше не вижусь с родными. Я больше не получаю известий от сестры. В университетах больше нельзя найти работу. Я не понимаю, какие выводы получатся из моей диссертации. Мои отношения с женщинами заканчиваются крахом. Всюду я вижу один лишь негатив. Всюду мне видятся сплошные изъяны. Все представляется бесполезной тщетой. Ты понимаешь, что это за чувство?

Тед, который наконец сумел продеть нитку, отыскал в нагрудном кармане запасную пуговицу и теперь снимал рубашку. Ответил он, стягивая рубашку через голову:

- Продолжай-продолжай. Я понимаю, что ты имеешь в виду.

- Я читаю эту книгу. Она... ну, я думаю, она кое-что прояснила насчет того, что мне, возможно, предстоит пережить. Эта женщина, она так много говорит о «я».

- А я - говорит?

- О «я». О чувстве своей личности. Понимаешь, о восприятии самого себя, о понимании, кто ты есть.

- А, понятно, - пробормотал Тед.

Ему не удалось затянуть узелок, нитка соскользнула, и теперь надо было начинать все сначала.

- Ты слушаешь?

- Конечно слушаю. Ты не против, если я на минуточку зажгу свет? У меня тут что-то не получается.

- А ты сам как считаешь? - спросил Робин, пока Тед вставал и включал свет.

- Что я считаю?

- Как, по-твоему, мне поступить?

- Ну... - Тед вновь послунял нитку, затем сказал: - Может, все дело в твоём одиночестве? Почему бы тебе не завести подружку, а?

- Что?

- Знаешь, человека, который будет убираться у тебя в квартире, а вечерами болтать с тобой. Девушку, непохожую на эту Апарну, которая только и знает, что спорить. Какую-нибудь надёжную, хорошую девушку, умеющую поддержать когда надо.

- И что мне это даст?

Тед уловил в голосе Робина презрительную нотку и, хотя он был занят очередным узелком, поднял взгляд. И очень серьёзно произнес:

– Я знаю одно, Робин. До брака с Кэтрин я никогда не был по-настоящему счастлив.

Робин отвел глаза.

– Я больше не хочу связываться с женщинами, – сказал он и вышел из комнаты.

Тед отложил иголку, покрутил эти слова в голове и мысленно сделал заметку – не забыть занести их в папку, так как они подтвердили, точнее, пробудили его собственную теорию, которую он однажды составил по поводу Робина. Впрочем, нет, первой эту теорию предложила Кэтрин – еще в Кембридже.

– Не говори глупостей, – сказал Тед тогда, – Робин такой же нормальный, как ты и я.

Но постепенно эта мысль перестала казаться такой уж невероятной, и Тед преодолел свою первоначальную антипатию к ней. Станным образом эта мысль даже примирила его с дружбой, которая связывала Робина и Кэтрин, с тем явным удовольствием, какое они получали от общества друг друга. К концу последнего семестра они втроем были практически неразлучны. Однажды Кэтрин сказала:

– Теперь понятно, почему он такой ранимый.

– Ранимый?

– Да. Они всегда очень ранимые.

Позже Тед спросил Робина, действительно ли тот считает, что это так, что они всегда очень ранимые, и Робин ответил, что да, так и есть, и добавил, что некоторые люди, которыми он весьма восхищался, были гомосексуалистами. Теда потрясли эти слова, которые он счел шокирующим признанием. Но он сказал себе: «Ничего страшного, просто он чуть менее удачлив, чем все остальные», и эта демонстрация либерального мышления позволяла ему гордиться собой. Впрочем, и у либерализма имелись свои пределы. Например, Тед никогда бы не оставил Робина в одной комнате с Питером. Тед считал, что там, где речь идет о детях, осторожность никогда не бывает лишней.

Робин вернулся и отдернул занавески на окне рядом со столом. Небо потемнело.

- Полагаю, тебе скоро пора возвращаться.

- Я как раз об этом думаю, - сказал Тед. На самом деле он думал, что удобно заглянуть к доктору Фаулеру завтра с утра пораньше, чтобы ближайший месяц больше не посещать эту унылую часть мира. А еще он думал, что, несмотря на тошнотворную обстановку в квартире Робина, есть неплохой шанс заночевать здесь, - Выглядишь ты не ахти, а у меня нет особых причин спешить домой. Давай-ка я звякну Кэтрин и скажу, что приеду утром?

- Как знаешь, - ответил Робин.

Его ответ не очень-то походил на фонтан благодарностей, которых ожидал Тед.

- Тогда, может, прошвырнемся куда-нибудь пропустить по стаканчику? Ты не думаешь, что это тебя немного взбодрит? А еще я мог бы прочесть твой рассказ.

- Ладно, я оденусь.

Пока Тед звонил, Робин нашел на кухне одежду почище и переоделся. Он вернулся в комнату как раз вовремя, чтобы услышать последние слова Теда.

- Кто такой Питер? - спросил он.

- Питер? Не может быть, чтобы я его ни разу не упомянул в одном из своих писем. Наш первенец. Ему два года.

- А. Ну да.

- Да... - Тед улыбнулся, - Чудесный мальчуган.

Робин взял один из блокнотов и сунул в карман брюк.

- Если мы идем, то пошли, - сказал он.

Теплая ночь в середине апреля; дело близится к одиннадцати. Робин с Тедом только что вышли из паба и движутся к новой цели, Робин – впереди, Тед старается не отставать. Жители Ковентри спят или готовятся отойти ко сну; но эти двое продолжают идти вперед, тяжело дыша, – два друга, которые больше не друзья.

По Мейфилд-роуд, по Бродвею, через лужайку для игры в шары – месту, где так часто грезил Робин. Здесь он сидел ветреными весенними субботами, наблюдал за супружескими парами, которые развлекались, искусно и весело соревнуясь друг с другом, в своих сверхспортивных ветровках и шерстяных наушниках. Или за стариками, все еще привязанными друг к другу, все еще привязанными к городу, в котором они росли, жили и работали, в котором они родились. Он наблюдал за ними весенними ветреными субботами, чувствуя одновременно презрение и зависть. Ему хотелось быть вместе с ними, хотелось показать собственное умение, ибо когда-то он тоже играл в шары – вместе с матерью, отцом и сестрой. Конечно, долгое отсутствие практики даст о себе знать, поначалу его движения будут слегка неуверенными. И в то же время он желал одного – оставить их, потому что его обжигало прикосновение их испуганных случайных взглядов, мимолетных, но красноречивых взглядов, в которых безошибочно читался вопрос: «Кто этот странный человек и почему он смотрит на нас?»

Через дорогу, в Спенсер-парк. Там осенью шумят деревья, и нужно лавировать между детишками, которые сражаются в футбол, обозначив ворота грудami курток. Но в этот вечер здесь тихо и пусто, если не считать молодой женщины, выгуливающей пса, – она немного опрометчива, но, наверное, с собакой она чувствует себя в безопасности: как-никак, немецкая овчарка, и довольно крупная. Молодая женщина не здороваается и отводит взгляд. А как только она проходит мимо, наступает полное спокойствие. И вот впереди городские огоньки, они манят их, двух товарищей, которым нечего предложить друг другу в смысле товарищества, и шаг их вновь ускоряется.

По стальному пешеходному мосту через железную дорогу. В столь позднее время составов почти нет, поезда до Лондона, Бирмингема и Оксфорда уже все прошли, но когда эти двое идут по пешеходному мосту, под их ногами грохочет товарняк. Поезд такой длинный и шумный, что говорить невозможно. Ну и хорошо, у них нет желания разговаривать, хотя сторонний наблюдатель, если таковой проходил бы мимо, заметил бы на лице Теда признаки нарастающего беспокойства, гримасу уже сформулированного, но еще не высказанного

вопроса. Но Робин не замечает подобных нюансов; он посмеивается про себя над граффити, которые целиком покрывают бортики пешеходного моста, снизу доверху, из конца в конец. «Анархия – единственный выход». «Скажи нет ракетам». «Я видел фнорды»[2 - Слово «фнорд» (fnord) – из разряда неопределимых, с ускользающим смыслом. Впервые оно было использовано в трилогии Уилсона «Иллюминатус». Это своего рода пароль для посвященных, для адептов киберпанка во всевозможных его проявлениях. Означать оно может что угодно, но, по сути, «фнорд» – это фига в кармане и одновременно шутка-пароль, проставляющаяся после фраз, которые могут оказаться шутками, а могут таковыми и не оказаться. Увидеть фнорды может только тот, кто знает и понимает. Фнорд.]. «Обессилить насильников». «Так много нужно сказать, так мало краски». «Долой азиатов». «Черномазые говно». Кое-что из этой писанины, похоже, привлекает его, но чем именно, остается непонятным его доверенному лицу (к которому он не испытывает никакого доверия), поскольку косые взгляды Теда становятся все более и более недоуменными и настороженными. И все более косыми. Поэтому теперь они не разговаривают – не только словами, но и глазами.

По Гровенор-роуд – справа пустой склад, слева жилые дома, некоторые заколочены. И вот они шагают по пешеходному тоннелю, а затем по Уоррик-роуд, мимо светящихся окон риелторских агентств, мимо двери переполненного винного бара, из которого выходят люди. Здесь Робин на мгновение замедляет ход, но тут же идет дальше, еще быстрее. Тед останавливается и смущенно оглядывается на дверной проем, а затем устремляется вдогонку. Он догадывается – как раз вовремя, – что замыслил Робин, что является движущей силой и главным побуждением этого стремления вперед: выпивка, много выпивки. Он прямо задает этот вопрос и получает ответ – кивок и молчание. Теперь Робин снова останавливается, на этот раз он смотрит на витрину книжного магазина. Он не обращает внимания на главный стенд с книгами в мягких обложках и иллюстрированными книгами, сосредоточив внимание на объемистом томе, едва видимом в правом углу витрины: «Крах современной литературы» Леонарда Дэвиса. Чтобы привлечь потенциальных покупателей, на обложку приклеена наклейка, которая гласит, что профессор Дэвис является жителем этих мест. Робин цокает языком.

Торговый центр города пуст. Правда, время от времени попадаются нищие, привалившиеся к двери, но их можно встретить даже в самых процветающих городах. На самом деле чаще всего их можно встретить именно в самых процветающих городах. В это время суток центр выглядит призрачно. Построенный для общественной пользы, разработанный специально для толп

счастливых покупателей, чтобы они роились, толкались, протискивались и сновали туда-сюда: «Смите», «Хэбитат», «Вулвортс», «Би-эйс-эс», «Топмэн»; но этой ночью здесь всего лишь две фигуры, безмолвные, далекие; звук их шагов отдается эхом от бетонных стен, их тени размываются во флюоресцентном свете. Куда подевались все эти старушки с сумками на колесиках? Где молодые парочки, которые, держась за руки, глазят на витрины? Куда исчезли панки и скинхеды? Надеюсь, они уютно лежат в своих постельках, в типовых одноэтажных домиках или в многоквартирных башнях, в сотнях футов над землей. Впрочем, эти двое вряд ли обратили бы на них внимание, потому что шагают они очень быстро, а Робин даже с беспокойством поглядывает на часы.

Они пересекают Бродгейт, минуют статую леди Годивы и движутся по Тринити-стрит. Тед не знает этого, но они находятся неподалеку от собора; днем здесь можно приятно провести часок-другой, восхищаясь витражами, разглядывая сатерлендские гобелены или изучая (за небольшую плату) голографическую реконструкцию бомбежек – трехмерное акустическое и визуальное приключение, предназначенное для тех, кому повезло не пережить это приключение в реальности. Но единственное, что останется в памяти Теда о соборе, – это темная громада, нависающая справа, пока они пересекают площадь, где-то на задах старой библиотеки. И даже тогда Тед не сообразит, что это был собор, потому что он устал, рассержен и давно бросил задавать вопросы. Излишне говорить, что Робин не имеет привычки делиться сведениями, о которых его не спрашивают. Тем более что Тед давно бросил с любопытством вертеть головой, и весь город кажется ему сырым и холодным адом, один неприглядный район за другим. Потому он даже не заметил, что магазины остались позади, что они пересекли тускло освещенный двор большой, запущенной больницы и вышли на длинную улицу, застроенную нескладными однотипными домами. Однако Тед заметил другое: что лишь один из четырех повстречавшихся за последние несколько минут прохожих оказался белым; и это обстоятельство не на шутку обеспокоило его.

Вскоре они сворачивают направо, в очень темный переулок. Они останавливаются у двери, которая поначалу кажется дверью дома, затерявшегося в ряду таких же домов. Через стекло сочится тусклое желтоватое свечение. Затем Тед понимает, что над дверью имеется вывеска, что у дома есть название, что перед ними еще один паб. Робин стучит в стекло – ритмично, словно подает условный сигнал, и к двери подходит человек. Несколько слов, и их впускают.

* * *

- Что происходит? - спросил Тед.

Они сидели в маленьком мрачноватом баре, в компании еще десятка мужчин, большинство из которых Робин, похоже, знал. Все они молчали, средний возраст клиентов, если не считать Робина с Тедом, равнялся примерно шестидесяти двум годам.

- Об этом месте мне рассказал один мой друг, - сказал Робин. - Они запирают входную дверь и разрешают сидеть до трех-четырёх утра. Полиция знает, но обычно закрывает глаза.

Тед был потрясен.

- Как часто ты здесь бываешь?

- Не знаю. Пару раз в неделю.

- Тебя так сильно тянет к выпивке?

- Дело не в выпивке. Пить я могу и дома. Дело в компании.

- В компании?! - Тед изумленно огляделся. - Ты только посмотри на этих людей. Одно старичье. У тебя нет с ними ничего общего. Да тут никто даже не разговаривает.

- Лучше так, чем быть одному.

- Но сегодня с тобой я.

Ответа на эту реплику не последовало, поэтому Тед решил, что угодил в точку. Он вдруг заметил, что пьет слишком быстро и почти прикончил вторую порцию джина с тоником, которую Робин ему навязал. Предлагая выпить, Тед имел в виду приятный вечерок за кружкой пива в шумной молодежной компании. Теперь же он был пьян, ему было скучно и хотелось домой. Робин вертел в руках пустой стакан, прикрыв глаза и развалившись на стуле; голова его клонилась

набок, словно демонстрируя воинствующую сосредоточенность.

- Мне кажется, - сказал Тед, - что ты принимаешь эту мелкую ссору слишком близко к сердцу.

- Ссору?

- Размолвку с Апарной. Я так понял, что ты из-за этого такой?

Робин поднял взгляд, глаза его ненадолго ожили.

- Не только.

Тем не менее Тед видел, что снова затронул болезненное место, и, отбросив первоначальную теорию по поводу Робина, спросил себя, не кроется ли в этой дружбе нечто большее, чем он думал поначалу. Решив, что нет никакого смысла говорить обиняками, он спросил в лоб:

- У тебя с ней роман?

Взгляд Робина был холодным и испытующим.

- С чего ты взял?

- Ну ты говорил, что вы близки.

- Близки, - сказал Робин, а затем добавил:

- И?

- Это не физическая близость. Полагаю, ты намекаешь именно на это.

- Понятно. Платоническая дружба, - сухо сказал Тед.

- Если угодно.

– Встреча разумов.

Робин замешкался, потом вдруг встал. На какое-то мгновение, испуганно и в то же время с облегчением, Тед решил, что Робин обиделся и хочет уйти, но тот поднялся лишь для того, чтобы вытащить из заднего кармана джинсов красный блокнот.

– Раз уж ты произнес эти слова, – сказал он, – то почему бы тебе не прочитать этот рассказ? Может, тогда ты лучше поймешь, о чем говоришь.

Робин швырнул блокнот на стол и отправился за очередной выпивкой. Помешкав, Тед пододвинул к себе блокнот и опасливо перелистал страницы, заполненные мелким, неряшливым почерком. В Кембридже ему доводилось читать произведения Робина, и они не особо впечатлили его, где-то дома даже завалялись машинописные копии. Во время последнего семестра, незадолго до того как Тед с Кэтрин объявили о помолвке, Робин подарил ей рассказ с довольно слащавым, по мнению Теда, посвящением. Тед смог осилить лишь половину того рассказа. Но этот, в блокноте, выглядел значительно короче, что ж, по крайней мере, можно сделать передышку в беседе, которая становилась все более натянутой.

Тед раскрыл тетрадь на первой странице и начал читать.

Четыре рассказа Робина Гранта

1. Встреча разумов

В Ковентри Рождество.

Разумеется, никто и не питал иллюзий, что оно окажется снежным; единственное, что способен предложить на Рождество этот город, – сырость и серость. Да и в любом случае, снежное Рождество означало бы замерзшие печные трубы и заледеневшие окна.

Оставалось еще четыре недели, или двадцать четыре дня, рождественской торговли, когда Ричард купил последнюю поздравительную открытку. Как вы

понимаете, мы имеем дело с весьма организованным человеком. Последняя открытка предназначалась бывшей подружке, и выбрать ее оказалось сложнее всего. Когда ты с кем-то встречаешься, то все просто – покупаешь самую большую и самую дорогую открытку, рисуешь на ней несколько вычурных слов, внизу приписываешь «Целую», суешь ее в почтовый ящик – и все, работа на год вперед выполнена. Но как может простая открытка, даже самая элегантная, самая изящная, выразить всю сложность твоих чувств к женщине, которой ты, по сути дела, не видел уже три года – почти столько же, сколько длилась ваша помолвка (неофициальная)?

В конце концов Ричард выбрал снеговика, запускающего фейерверк в компании северного оленя довольно рассеянного вида.

Как же утомлял торговый центр в это время года. Не потому, что его переполняли люди (толпа успокаивала), и не потому, что Рождество, как ясно даже последнему кретину, превратилось в порочное коммерческое предприятие (и в этом отношении чем оно отличается от прочих всенародных праздников?). Нет, утомляла атмосфера принужденного веселья, которая так угнетала, которая словно окутывала коконом едва сдерживаемой паники и отчаяния. Люди не могут позволить себе выглядеть в Рождество несчастными. В любое другое время года – пожалуйста, но если человек несчастен в Рождество, то в глубине души он понимает, что несчастье его абсолютна. И признаки этой унылой истины читались на каждом втором лице.

Не люблю я эту манеру письма. Ты делаешь вид, будто передаешь мысли персонажей (с помощью некоего дара ясновидения?), когда в действительности это твои собственные мысли, лишь слегка замаскированные. Невыразительный, примитивный прием, который влечет еще и бесчисленные грамматические корявости. Поэтому в будущем я попытаюсь ограничиться честным (честным!) изложением.

Итак, Ричард жил в квартире с двумя спальнями, на тринадцатом этаже башни, в самом поганом районе. Он делил квартиру с другом по имени Майлз. Они были достаточно близки, их связывали кое-какие общие черты – в числе прочего ленивость и снобизм. Оба учились в университете, расположенном неподалеку. («Неподалеку»! Иногда я задаюсь вопросом, почему я не брошу это дело и не займусь чем-нибудь полезным. Ну какова вероятность, спросим мы, что они окажутся студентами университета, расположенного за четыреста миль от их жилища?) В этом городе оба жили недавно, и оба не были уроженцами

центральных графств. Ни один из них не состоял в близких отношениях с представительницами противоположного пола – ни сейчас, ни в обозримом прошлом.

В тот вечер, после того как Ричард отправил открытку бывшей невесте, одолеваемый столь сложными чувствами, полными столь тончайших нюансов неоднозначности и несовместимости, что вы бы умерли со скуки, если бы я попытался их описать, у них с Майлзом вышел спор. Они смотрели новости, и показали сюжет, посвященный Северной Ирландии. То ли одного солдата разорвало на куски или же с ним случилось что-то в этом духе, то ли двух мирных жителей хладнокровно убили рядом с их домом, то ли на глазах у какой-то женщины террористы до смерти забили ее детей-близняшек. Это, в общем-то, не имеет значения для нашей истории. Майлз и Ричард принялись перечислять «за» и «против» британского военного присутствия, причем тема эта была близка обоим. Однако вскоре спор вылился в язвительную перепалку, и они обнаружили, что у них имеются фундаментальные разногласия о причинах ирландского конфликта, при этом Майлз настаивал на его религиозной природе, а Ричард утверждал, что конфликт политический. Вскоре разговор перерос в ребяческое упрямство.

– Нет смысла спорить с тобой, – сказал Ричард. – Давай попьем чаю.

– Что значит «нет смысла»? – спросил Майлз, последовав за ним в кухню.

– Я хочу сказать, что всякий раз, когда мы заговариваем о религии, получается одно и то же. Всякий раз я наталкиваюсь на каменную стену твоего долбанутого католицизма.

– Ясно. Значит, считаешь меня фанатиком, да?

– Нет, конечно. Слушай, давай только без обид. Я не хочу ссориться. Просто твое поведение стало вдруг предсказуемым. Да и вообще все теперь предсказуемо. Наши споры вдруг перестали быть спорами, а просто каждый из нас играет определенную роль. Я знаю, что я могу и что не могу тебе сказать, и что бы ты ни сказал, я вынужден спрашивать себя: «Он действительно так думает или просто ему говорят, что ему так следует думать?»

Майлз подавленно отозвался от двери:

- Не знал, что ты принимаешь все это близко к сердцу.

- Дело не в тебе, Майлз. Дело в проклятых компромиссах, на которые нам приходится идти каждый день нашей жизни. Мы никогда не постигнем истину, потому что слишком заняты бесконечными уступками. И наступает такой момент, когда ты перестаешь говорить, что думаешь, а говоришь то, что другой хочет услышать. И к каждому контексту ты приспособливаешь новую истину. С консерваторами ты не говоришь о социализме, а с социалистами не говоришь о консерватизме. Если ты хочешь поговорить о религии, то говоришь то одно, то другое, в зависимости от того, с кем дискутируешь - с буддистом, христианином или атеистом. Если ты спрашиваешь мнение ученого, то строго в научных рамках, если врача - то сугубо в медицинских, если спрашиваешь адвоката - то в юридических. Когда мы становимся социально активными, то сразу приносим честность, цельность и беспристрастность в жертву стремлению избежать конфронтации - Он вздохнул и закончил: - Это ужасно угнетает.

- Ты говоришь, как один мой друг, - сказал Майлз.

- Правда?

- Да. У меня есть друг, который думает точно так же.

- Как его зовут?

- Карен. Разве я не упоминал при тебе это имя?

- Что-то такое припоминаю.

- Она постоянно жалуется, что ни с кем не может нормально поспорить. - Майлз на мгновение задумался. - Знаешь, вам обязательно надо встретиться.

Еще через несколько минут это предложение изучалось уже всерьез. Но Ричарду не улыбалось встречаться с подругой Майлза. Он утверждал, что разговор, который он имеет в виду, только в том случае будет по-настоящему беспристрастным, по-настоящему бескомпромиссным, если собеседники держат дистанцию. Он предложил обменяться письмами.

– Хорошо, – согласился Майлз – Позвоню ей прямо сейчас.

Вскоре он принес весть, что Карен горячо поддержала эту идею.

– Она попросила тебя написать первым, – сказал он, – и она хочет знать, какая страна больший агрессор – Соединенные Штаты или Советский Союз. Она попросила ответить с учетом либерализации в горбачевской России и пояснить, считаешь ли ты этот факт показателем кризиса самоопределения в коммунистических странах вообще. Так сказать, для затравки.

В ту ночь Ричард не ложился до трех часов, он писал письмо. И чувствовал он себя необычайно свободным. Майлз ничего не рассказал ему о Карен; Ричард знал только, что она женского пола и приблизительно его возраста. Свободный от необходимости приспособливаться к собеседнику, он мог выражать свои мысли честно и до конца, так, как велят ему разум и сердце. Он не знал даже фамилии, не знал, куда отправится письмо. Он просто написал на конверте: «Карен» – и предоставил Майлзу надписать адрес и отправить письмо.

Через три дня пришел ответ. Ричард подобрал письмо, лежавшее на коврике у двери, сел за кухонный стол и оглядел конверт. На нем стоял штамп Бирмингема. Марка – специальный рождественский выпуск. Его имя и адрес впечатаны. Конверт был дорогим.

Вскрыв письмо, он обнаружил десять листов, исписанных крупным, решительным, аккуратным почерком. В тексте было много зачеркиваний, а в одном месте даже замазана целая фраза. Письмо начиналось словами «Уважаемый Ричард», а заканчивалось «С наилучшими пожеланиями. С нетерпением жду ответа». (Свое письмо он закончил чисто формальным «с уважением».)

Изучив эти подробности, Ричард взялся за само письмо.

Ее анализ последних событий в странах Восточного блока был отмечен одновременно пронизательностью и хорошей информированностью. Кроме того, письмо было буквально пропитано воинственным антиамериканизмом, который немного напугал Ричарда. Основной тезис рассуждений Карен сводился к тому, что цена, которую Горбачев может заплатить за либерализацию Советской России, – это ее американизация, и такой исход Карен считала безоговорочной

победой общества потребления. Потребительство и агрессия – это, по ее мнению, две стороны одной медали.

По правде говоря, где-то к середине письма Ричард заскучал. Ему вдруг пришло в голову, что он наверняка имеет дело со студенткой, изучающей политологию, и хотя ему, как и всем остальным, нравились дискуссии на политические темы, студенты-политологи, насколько он мог судить по собственному опыту, были самыми невыносимыми людьми на земле. Но к концу письмо снова заинтересовало его – когда Карен начала рассуждать о влиянии средств массовой информации на отношения между супердержавами и вообще на общепринятые формы политических отношений. Ричард видел, как вывести эти рассуждения на более широкую тему о распаде традиционных видов передачи информации, особо выделив воздействие такого процесса на литературу. Ему больше не хотелось писать о политике, поскольку он подозревал, что в этой области она его превзойдет.

Следующее его письмо начиналось так:

Уважаемая Карен.

Большое спасибо за интересное и продуманное письмо. Вы не можете поверить, как я рад обрести такого корреспондента; бывают времена, которые, уверен, знакомый Вам, когда ты просто не можешь быть откровенен даже (и особенно) с друзьями, и хотя интеллектуальную среду университета я нахожу вполне стимулирующей, мне кажется, что наши дискуссии в итоге принесут куда большую пользу. Кроме того, я считаю, что различия в складе ума непременно сделают наш спор плодотворным: я специализируюсь на английском языке и литературе, тогда как Вы (я сделал такой вывод – или Вы сочтете нужным меня поправить?), по всей вероятности, изучаете или политологию, или историю. Было бы слишком скучно, слишком непродуктивно, если бы мы практиковали одинаковые подходы к каждой теме, но я знаю, я чувствую, что такого не произойдет.

Ответ Карен пришел с обратной почтой, после чего переписка продолжалась без перерыва две следующие недели. В течение этого срока обсуждались – с различной степенью вьедливости – следующие темы: политика (опять); упадок

государства всеобщего благоденствия с упором на работу Национальной службы здравоохранения; половая дискриминация, ее происхождение и последствия; религия; астрология; мода; отношения между людьми. Соответственно, через две недели Ричард в той или иной степени был уверен в следующем: Карен – социалистка; носит очки, прописанные Национальной службой здравоохранения; блондинка; нерелигиозна; знак зодиака – Рыбы; брюки предпочитает юбкам, как правило, джинсы; не пользуется косметикой; любимые цвета – красный и синий; у нее было два любовника, но уже более года она ни с кем не встречается.

Тут они столкнулись с непредвиденной проблемой. До Рождества оставалось всего десять дней, и хотя ни Карен, ни Ричард пока не собирались ехать к родителям (Карен, как выяснилось, на самом деле изучала историю искусств в Бирмингемском университете), приближение праздничного сезона тем не менее грозило нарушить их переписку. Из-за того что почта не справлялась с резко возросшим объемом почтовых отправок, доставка писем растягивалась на три дня. Ричарду подобная отсрочка казалась невыносимой, и потому в постскрипту к очередному письму он предложил – разумеется, исключительно в качестве временной меры – продолжить общение по телефону.

Через три дня Карен ему позвонила.

Конечно же, у нее оказался такой очаровательный голос. Если Ричард не ошибался, угадывался легкий шотландский акцент. Звук «р» ласкал ухо раскатистой протяжностью в таких словах, как «структурализм» и «Деррида» (ибо начали они с обсуждения теории литературы), приятная гортанная интонация оттеняла такие фразы, как «заговор режиссеров авторского кинематографа» и «камера как вуайерист» (ибо закончили они обсуждением эстетики кинематографа). Ричард спросил себя, не раздражает ли Карен его слишком уж явный околотондонский акцент.

– Ну, до свидания, – сказала она минут через сорок.

– Завтра в то же время? – спросил он.

– Хорошо. Было приятно с тобой поговорить.

– А мне с тобой.

– Значит, пока не едешь домой на Рождество? – спросила она после неловкой паузы.

– Нет, пока не еду.

– Много получил рождественских открыток?

– Немного. Аты?

– Тоже немного.

Ричард никогда не получал много рождественских открыток – точно меньше, чем посылал, а посылал он всегда не больше дюжины. Пока на его каминной полке лежала всего одна открытка – от соседей, небольшого, но шумного семейства, с которым они с Майлзом ни разу в жизни не общались. Он даже не знал, каких зовут, поскольку текст открытки просто гласил: «Счастливого Рождества всем в 48-й от всех в 49-й». В этом году, как и в прошлом, он немедленно ответил: «Счастливого Рождества всем в 49-й от всех в 48-й». Ричард знал, что другие его соседи тоже получают каждый год открытку, адресованную «всем в 47-й от всех в 49-й», и потому никак не мог решить, не следует ли ему тоже послать открытку всем в 47-й от всех в 48-й, тем более что они неизменно быстро возвращали комплимент, посылая открытку всем в 49-й от всех в 47-й. (Он так и не поговорил с небольшим шумным семейством, жившим по соседству. Несколько месяцев спустя, вернувшись домой ранним вечером, Ричард обнаружил, что соседская квартира кишит полицией и санитарами. В результате коллективного самоубийства муж застрелил жену, сына, дочь и, наконец, самого себя. Они оставили записку: «Прощай, жестокий мир, – от всех в 49-й». Этот случай попал в газетные заголовки, а на третьей странице вечернего выпуска поместили фотографию Ричарда.)

Честно говоря, безличный характер общения казался Ричарду удивительно трогательным и задушевным, особенно по сравнению с одной открыткой, что он получил на следующий день, – напыщенное послание от школьного друга, к нему прилагался многословный и непонятно зачем отскерокопированный отчет о минувшем годе. Ричард наскоро пробежал листок глазами, после чего вскрыл другой конверт, в котором лежала открытка от Карен.

Открытка была большая, с фрагментом картины Моне «Пруд с кувшинками».

«Дорогой друг, – говорилось в ней. – Не самый подходящий сюжет для Рождества, но я подумала, что тебе все равно может понравиться. Желаю очень счастливого Рождества. С любовью, Карен».

Ричард показал открытку Майлзу, который только что вышел к завтраку, и сказал:

– Забавно, мы вообще не говорили о живописи. Интересно, откуда она знает, что я без ума от Моне.

– Я ей сказал.

Ричарду понадобилось некоторое время, чтобы переварить эти слова.

– Ты сказал? Ты имеешь в виду, ты с ней виделся? Когда?

– Около недели назад я ей написал. Я много чего рассказал ей о тебе.

Ричард расстроено отшвырнул тост.

– Господи, Майлз, ну зачем ты это сделал? Ты же все испортил, нарушил чистоту нашего... опыта. Весь смысл заключался в том, что мы ничего друг о друге не знаем.

– Так она сама меня попросила.

Ричард уставился на него:

– Что значит – она тебя попросила? Когда попросила?

– Она мне написала. Прислала письмо с кучей вопросов о тебе.

– Что она сделала?

Несколько минут Ричард размышлял над этим фактом в полной тишине, нарушаемой лишь чавканьем Майлза, пожиравшего хлопья с молоком.

- И?

- Что - и? - спросил Майлз, поднимая взгляд.

- Что ты обо мне рассказал? Что она знает?

- Лей рассказал, чем ты занимаешься, что ты изучаешь. Я рассказал, откуда ты приехал. Я рассказал о твоих любимых писателях, композиторах, художниках и поп-группах. Я рассказал, какую ты носишь одежду, какую еду любишь, что любишь пить. Я описал твою личность. Я сказал, что ты немного напыщенный, немного самодовольный, жадноватый, немного высокомерный, но в общем и целом вполне нормальный парень.

- Понятно. Здорово. Значит, теперь нет ничего, чего бы она не знала обо мне. Благодарю покорно. - Тут Ричарда поразила еще одна мысль. - Ты ей рассказал, как я выгляжу?

- Нет.

- Ну хорошо. Благодарю тебя за сдержанность.

- Я отправил ей фотографию. Знаешь, ту, где ты загораешь на Капри.

Ричард молча встал и ушел к себе в комнату. Позже, тем же утром, он слышал, как Майлз вышел из квартиры. Как только хлопнула входная дверь, он бросился в комнату Майлза и принялся терпеливо и дотошно искать письмо Карен. Оно оказалось запрятано в стопке старых конспектов в самом дальнем ящике. Отрывок, который жадно выхватили его глаза, гласил следующее:

Теперь ты должен мне рассказать все о своем загадочном друге. Я сумела почерпнуть из его писем отрывочные факты и сведения, но он не очень стремится раскрыться. Как он выглядит? Как он разговаривает? Он наверняка с юга. Он показался мне человеком, который высокого мнения о себе, но это

высокомерие делает его очень милым.

Ты можешь спросить, какое отношение все это имеет к нашей якобы строго интеллектуальной переписке. Честно говоря, я сама не думала, что меня когда-нибудь заинтересуют подобные детали. «Какое это имеет значение, – думала я, – когда встречаются разумы?» Но затем, и это, наверное, было неизбежно, за мыслями, идеями, аргументами начала проглядывать личность, и очень привлекательная личность. Тогда я решила: к черту, дружба важнее, чем дурацкий научный эксперимент. Так что, пожалуйста, окажи мне любезность, Майлз. Будь Пандаром моей Крессиде; будь Пировичем моей Кларе[3 - Персонажи фильма «Магазин за углом» (1940) немецко-американского режиссера Эрнста Любича (1892–1947)]. Просто чтобы удовлетворить мое любопытство, только и всего.

Ричард отложил письмо, чувствуя себя так, будто его предали, он пребывал в диком волнении. Часы до очередного телефонного звонка тянулись с мучительной неспешностью.

В тот вечер они обсуждали политизацию изобразительного искусства в двадцатом веке – в духе тех европейских художников (особенно группы «Наби»[4 - Группа французских художников конца XIX века, находившаяся под сильным влиянием творчества П. Гогена.]), которые увязли в полемическом театре. Разговор длился минут двадцать, когда Карен вдруг спросила, знает ли Ричард, что сейчас в бирмингемской галерее «Айкон» проходит выставка, на которой, как утверждается, представлены потрясающие и редкие экземпляры того, что она любит называть «политикой композиции».

– Да, – сказал он. – Я читал о выставке.

– Было бы неплохо сходить на нее вместе. Тогда у нас бы появилась конкретная тема для разговора.

– Что ж, у меня завтра свободный день.

– У меня тоже.

– Тогда давай завтра.

– Порознь, разумеется.

– Разумеется. Ты пойдешь утром, а я во второй половине дня.

– Утром я не могу.

– Я тоже не могу.

– Кроме того, – сказала Карен с едва заметным колебанием, – было бы разумнее поговорить о каких-нибудь конкретных картинах... понимаешь, находясь непосредственно перед ними.

У Ричарда перехватило дыхание.

– Совершенно справедливо, – согласился он.

Они встретились в два часа у книжного киоска. Обменялись парой скомканных фраз, слишком скомканных, чтобы приводить их здесь. При этом они внимательно разглядывали каждую подробность лица и тела собеседника. Выставку они осматривали в течение примерно получаса, их плечи находились в подрагивающей близости друг от друга, их глаза осваивали язык быстрых, смущенных взглядов, их головы то склонялись одна к другой, то отодвигались, в то время как они судорожно пытались заинтересовать себя дискуссией о картинах. В галерее было слишком жарко. Выйдя на улицу, они обнаружили, что идет легкий снежок, засыпает тротуары и машины, тает на рукаве пальто Карен, задерживается на секунду на кончиках ресниц Ричарда. Он взял ее руку, и они пошли сквозь редкую толпу послеполуденных покупателей, пока не поравнялись с дверью закуской, разряженной блесками.

Они выбрали столик на двоих, и тут выяснилось, что они не знают, что сказать, такое было впервые. Карен удалось нарушить молчание.

– Ну вот, – сказала она почти со смехом. – Наконец мы встретились.

Они потянулись навстречу друг к другу и взялись за руки. Снег усилился. Из громкоговорителей все громче звучала оркестровая аранжировка «Однажды в граде царя Давида».

В ночь накануне сочельника Ричард в своей квартире на тринадцатом этаже жилой башни засыпанного снегом Ковентри приготовил для Карен рождественский ужин. В это утро Майлз уехал к родителям, а на следующий день Карен собиралась отправиться в Глазго. Свою последнюю дискуссию они собирались посвятить идеологическому значению Рождества и, в частности, его вкладу в пагубное укрепление роли семьи как основной ячейки патриархального капиталистического общества, но так получилось, что эта тема в разговоре не всплыла. Вместо этого они обменялись подарками и поспорили о сравнительных достоинствах яблочного и клюквенного соусов в качестве приправы к индейке.

Помимо всего прочего, теперь их объединяла боль физического желания, нестерпимое влечение, невыносимое, подобное сладостной пытке. Они медленно раздели друг друга, неловко расстегивая молнии, копошась с пуговицами, мешкая перед неожиданной близостью плоти, которую никогда прежде не видели, никогда прежде не трогали, никогда прежде не целовали. Затем их тела затеяли долгий и замысловатый разговор, осторожно выдвигая различные предложения, конкретизируя их, исследуя, перебирая снова и снова, не гнушаясь приятных обходных путей, продвигаясь в соответствии с неумолимой логикой к внезапному разрешению всех противоречий.

Они лежали спокойно, с час или больше, вжавшись кожа в кожу.

- Тебе удобно, милая? - наконец спросил Ричард.

- Да, - ответила она. - Очень.

Он сходил за переносным телевизором и поставил его в изножье кровати.

- И сейчас удобно, милая?

- Да - Карен не очень понравилось, что ее называют «милая», но она ничего не сказала. - А тебе удобно?

- Очень.

По телевизору показывали рождественское богослужение. Камера скользнула по ангельским лицам мальчиков из хора и остановилась на мерцающих электрических свечах рядом с витражным стеклом. Ричард с Карен молча смотрели.

- Ты счастлив? - спросила она посреди «Иисуса в яслях».

- Да. А ты?

Их глаза закрылись еще до конца богослужения.

- Это ничего не объясняет, - сказал Тед, едва подавляя пещерообразный зевок.

- Да? - отозвался Робин. - Разве это не объясняет, почему мы с Апарной никогда не спали друг с другом? Разве это не объясняет то, что тебе представляется любопытным случаем самодисциплины?

- Нет. - Тед осушил стакан и тут же понял, что давно потерял счет выпитому, - Если этот рассказ о чем-то говорит, то как раз о том, что тебе следует сделать.

- И каким образом?

- Ведь у него счастливый конец, так?

Робин поднял на него изумленный взгляд.

- Там сказано несколько обиняком, - продолжал Тед, - но я подумал, что финал... в общем, я подумал, что они влюбились друг в друга.

- Ну, если ты предпочитаешь цветистый слог, то да.

- Тогда весь смысл рассказа в том, - заговорил Тед после мучительной паузы, - что этот Робин...

– Его зовут Ричард.

– Ну да, точно, Ричард. Так вот, этот Ричард и эта Кэтрин...

– Карен.

– Ну да, точно. Карен. Эти два человека, наговорив друг другу кучу интеллектуального вздора, наконец образумились и... влюбились.

Робин глубоко вздохнул и с демонстративной терпеливостью сказал:

– Имелось в виду, Тед, что по пути они что-то потеряли.

И Тед ответил:

– Чего-то спать хочется.

Они допили и вышли в сумрачный и жаркий предрассветный сумрак. Они долго шли до дома Робина узкими освещенными улочками, мимо черных зданий, подземными переходами и вытоптанными лужайками в районах муниципальной застройки. Каждый был занят собственными усталыми мыслями, и заговорили они только раз.

– Что там? – спросил Тед.

Робин остановился и посмотрел на яркую точку где-то на последних этажах многоквартирной высотки на противоположной стороне кольцевой дороги.

– Апарна, – сказал он. – У нее горит свет.

Тед проследил за его взглядом.

– Ты можешь разобрать отсюда?

– Да. Я всегда смотрю, когда прохожу здесь ночью. У нее всегда горит свет.

– Чем она занимается так поздно?

Робин не ответил, и Тед, который не мог заставить себя заинтересоваться этим вопросом всерьез, настаивать не стал. Когда они наконец добрались до квартиры, он молча наблюдал, как Робин, отыскав фонарик, вытягивает из-под кровати выцветший спальный мешок и кладет его на диван.

– Годится?

Тед, постаравшись не содрогнуться, кивнул. Он попытался вызвать в памяти образ своей уютной двуспальной кровати – с одной стороны, откинувшись на подушки, сидит Кэтрин, хмурясь над последними вопросами сложного кроссворда, уголок одеяла приветливо отвернут, торшер лучится теплым розовым светом, регулятор электрического одеяла установлен в среднее положение. В соседней комнате спит Питер.

– У тебя есть будильник? – спросил он.

– Есть, а что?

Тед объяснил, что ему нужно посетить доктора Фаулера, и они завели будильник на девять часов.

– Я могу подбросить тебя до университета, – сказал Тед. – Наверное, у тебя есть там дела.

Робин, который успел раздеться и лечь в постель, ничего не ответил. Тед решил, что он заснул. Но Робин не спал. Он лежал, слушая, как Тед раздевается и складывает одежду, ворочается, силясь принять удобное положение, вздыхает, как его дыхание выравнивается. Он слушал, пока не установилась полная тишина, пока единственным звуком не стало редкое, сонное бормотание Теда, повторяющего: «Кейт, Кейт».

* * *

Будильник не смог их разбудить, и в университете они появились далеко за полдень. Тед отправился на встречу с доктором Фаулером, а Робин сел пить

кофе в одной из многочисленных закусочных на территории университета, но через десять минут Тед вернулся – в дурном настроении. Его клиент уехал на выходные домой, оставив на двери записку, что вернется только во вторник. Робин был не один. Рядом с ним сидел седой бородач с покатыми плечами; высокий (под два метра), он тем не менее не выглядел особо внушительным – из-за сильной сутулости, достаточно странной для человека его возраста (по словам Робина, ему было тридцать пять, хотя Тед решил бы, что он гораздо старше). Желтые зубы у него были изъедены коричневыми пятнами. Курил он не переставая.

– Это Хью, – небрежно представил Робин.

Они почти не обращали внимания на Теда, сидели себе бок о бок, погружившись в чтение. Хью горбился над объемистым библиотечным томом, Робин листал газету. Казалось, это занятие его возбуждает.

– Ты видел? – обратился он к Хью, – Ты видел, что говорят эти маньяки?

Тед понадеялся, что они не заведут политическую дискуссию, и перевел дух, когда Хью не обратил на Робина никакого внимания; вместо этого, оторвав глаза от книги, он выхватил взглядом две фигуры в другом конце кафе.

– Вон Кристофер, – кивнул он, – и профессор Дэвис.

Робин резко обернулся, свернул газету и встал:

– Прошу прощения. Я хочу почитать в уединении.

Когда он поспешно скрылся, Тед повернулся к Хью и спросил, что все это означает.

– Профессор Дэвис заведует факультетом английского языка. Считается, что он научный руководитель Робина. Они избегают друг друга.

– Понятно, – ответил Тед, ничего не поняв. – Вы тоже пишете диссертацию?

– Нет, – сказал Хью. – Свою я закончил восемь лет назад. О Т. С. Элиоте.

- И чем вы с тех пор занимаетесь?

- Чем придется.

И он снова погрузился в чтение.

- Я старинный друг Робина, - сообщил Тед. - Мы не виделись несколько лет. Точнее, со времени окончания Кембриджа. Наверное, он обо мне рассказывал.

- Как, говорите, вас зовут? - спросил Хьюго, отрываясь от книги.

- Тед.

- Нет, по-моему, он не упоминал вашего имени.

Его ответ навел Теда на мысль, что Робин, похоже, постарался окутать свое прошлое таинственностью. Он подался вперед и вполголоса спросил:

- Скажите, вы могли бы назвать Робина своим близким другом?

- Да, довольно близким.

- Тогда объясните, что, по вашему мнению, с ним происходит?

- Происходит? Что вы имеете в виду?

- Как по-вашему, почему с ним это случилось?

- Случилось? Да о чем вы?

Тед понял, что с ним не желают говорить на эту тему. По счастью, четыре года торговли компьютерными программами научили его - как он полагал - улавливать психологическую подоплеку подобных ситуаций. Поэтому он спросил:

- Когда вы в последний раз видели Робина, если не считать сегодняшнего дня?

- По-моему, около двух недель назад.

- Это нормально.

- Ну, не совсем ненормально.

- Где он был все это время?

- Где он был? А я почему знаю?

Тогда Тед решил сменить тон и перекинулся на спокойные, но настойчивые утверждения:

- Мне кажется, Робин переживает что-то вроде психологического срыва.

Хью отложил книгу, несколько секунд смотрел на Теда, после чего истерически захохотал. Затем столь же внезапно замолк и вновь принялся читать.

- Значит, вы мне не верите? - спросил Тед. - Тогда почему его несколько недель не было в университете? Почему он не спит, не ест, не моется, не бреется? Почему он не выходит из квартиры? Почему он так похудел? И почему он вдруг позвонил мне, самому старому и близкому другу?

- Где, вы сказали, вы познакомились с Робинем? - спросил Хью.

- В Кембридже.

- Так это было четыре года назад. Возможно, с тех пор он изменился. На мой взгляд, в последнее время с ним ничего необычного не происходит. Он часто пропадает на несколько дней. Он часто забывает побриться. От него всегда такой запах. Он студент. Хуже того, он аспирант. Какой смысл сохранять приличный внешний вид?

Логика этого довода была Теду недоступна.

– Робин пишет диссертацию. Вполне уважаемое занятие, не хуже любого другого.

– Какое, к черту, занятие, – весело сказал Хью. – Робин никогда не допишет диссертацию. Я видел десятки таких, как он. Сколько он уже ее пишет? Четыре с половиной года. А вы знаете, что до окончания ему так же далеко, как и тогда?

– Почему?

– Потому что он и не начинал.

К их столику приближался профессор Дэвис. В очках, худой и почти лысый, он озирался по сторонам, словно с надеждой высматривал какого-то человека, в глубине души зная, что того здесь нет. Шел он с мучительной медлительностью, в одном месте споткнулся о ковер, потом зацепился за пластиковый столик. По пятам за ним следовал Кристофер (на вид примерно того же возраста, что и Робин) с подносом, на котором стояли две чашки кофе и тарелка с одним миндальным печеньем.

– Профессор Дэвис у нас настоящая знаменитость, – сказал Хью. – Вы, наверное, о нем слышали.

Тед счел уместным согласно кивнуть.

– В научных кругах он снискал репутацию иконоборца. Его новая книга «Крах современной литературы» посвящена радикальному и вызывающему анализу последних двадцати лет. Критика приветствовала ее выход, назвав логическим продолжением предыдущей книги «Культура в кризисе», которая посвящена радикальному и вызывающему анализу предыдущих двадцати лет. Мы с ним старые друзья. Мы одновременно пришли в университет.

– Когда это было?

– Шестнадцать лет назад.

Пока Тед размышлял над этим фактом, профессор наконец добрался до их столика, и Хью поспешно пододвинул стул, на который Дэвис опустился с

астматическим хрипом. Кристофер придвинул четвертый стул и поставил поднос посреди стола.

– Итак, – заговорил Хью после небольшой паузы, – как самочувствие, профессор? Как дела на факультете?

– Не так плохо, не так плохо, – ответил Дэвис, кладя в чашку сахар.

Ученики, ловившие каждое его слово, глубокомысленно кивнули. Снова наступило молчание. Когда профессор, казалось, собрался опять заговорить, Хью с Кристофером в предвкушении даже подались вперед.

– Вся сложность с кусковым сахаром, – сказал Дэвис, – в том, что двух всегда мало, а трех всегда много. Вы не находите?

И профессор задумчиво глотнул кофе.

– Я вижу, у вас новая книга по эстетике повествования, – сказал Кристофер, беря библиотечную книгу Хью. Он повернулся к Дэвису, – Вы, конечно, читали?

– Мне она кажется слишком немецкой и теоретической, – ответил тот с кроткой улыбкой, – Экземпляр, присланный мне на рецензию, я отдал племяннику из Чиппинг-Содбери.

Кристофер вернул книгу Хью.

– Чем старше становишься, – сказал Дэвис, набив рот печеньем, – тем меньше пользы видишь в литературной критике.

– Вы считаете, что следует обратиться непосредственно к текстам? – спросил Хью.

– Да, наверное. Хотя чем больше их читаешь, тем менее интересными они кажутся.

– Именно этот тезис вы отстаиваете в своей новой книге, – заметил Кристофер. – Это радикальная и провокационная точка зрения, если позволите мне так

высказаться.

Дэвис кивнул, позволяя.

– Но означает ли это, – беспечно спросил Хью, – что близится конец литературы в том виде, в каком мы ее знаем?

– В каком мы ее знаем?..

– Какой ее преподают в школах и университетах.

– А! Нет-нет, конечно нет. Совсем нет. В действительности я думаю... – последовала могучая пауза, неизмеримо превосходящая все предыдущие, – я думаю... – Дэвис вдруг поднял взгляд, в его глазах сверкнуло озарение. Напряжение, висевшее в воздухе, можно было буквально пощупать. – Я думаю, что неплохо бы съесть еще одну печеньку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/dzhonatan-kou/prikosnovenie-k-lubvi/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

В 1986 г. ВВС США нанесли бомбовый удар по Триполи, столице Ливии; Вестминстер – политический центр Великобритании, где размещаются Букингемский королевский дворец, парламент и т. д. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Слово «фнорд» (fnord) – из разряда неопределимых, с ускользающим смыслом. Впервые оно было использовано в трилогии Уилсона «Иллюминатус». Это своего рода пароль для посвященных, для адептов киберпанка во всевозможных его проявлениях. Означать оно может что угодно, но, по сути, «фнорд» – это фига в кармане и одновременно шутка-пароль, проставляющаяся после фраз, которые могут оказаться шутками, а могут таковыми и не оказаться. Увидеть фнорды может только тот, кто знает и понимает. Фнорд.

3

Персонажи фильма «Магазин за углом» (1940) немецко-американского режиссера Эрнста Любича (1892–1947).

4

Группа французских художников конца XIX века, находившаяся под сильным влиянием творчества П. Гогена.

Купить: <https://tellnovel.com/dzhonatan-kou/prikosnovenie-k-lyubvi-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)